

«ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН ЛЕРМОНТОВА»:
СТАТЬЯ И. И. ВИНОГРАДОВА
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И КРИТИКИ
1960–1980-х гг.*

Е. М. ЗЕНОВА

Аннотация: В статье рассматривается работа И. И. Виноградова (1930–2015) «Философский роман Лермонтова». Текст, переживший более чем полувековую историю благодаря трехкратному переизданию (1964, 1987, 2005), стал новаторским как в лермонтоведении, так и в литературной критике. В контексте развития науки о литературе работа была пионерской, ибо философская составляющая текстов М. Ю. Лермонтова если и рассматривалась исследователями, то лишь на материале поэм или лирических стихотворений. Влияние статьи Виноградова можно разделить на три составляющих: 1) воздействие на деятельность и мировоззрение самого критика; 2) появление целого пласта работ, где анализируется метафизика Лермонтова; 3) возрождение на русской почве философского метода в литературной критике. Появление статьи о философском романе в середине 60-х гг. XX в. было созвучно духу эпохи, о чем в частности свидетельствует звучание эзопова языка. Определив жанр романа «Герой нашего времени» как философский, Виноградов дал понять, что коллизии прошлого века вполне соотносятся с актуальным настоящим. Сверхзадача критика — обнаружить в романе XIX в. значимый для людей XX в. в духовном отношении опыт. В исследовании делается вывод о том, что статья не исчерпывается научной, критической и художественной составляющими, ибо литературный в своей основе текст смыкается с философским. Работа 1964 г. свидетельствует о возрождении философского или, говоря точнее, религиозно-философского направления в литературной критике.

В первой из трех бесед в рамках проекта «Устная история» И. И. Виноградов признался, что на свет появился в «случайном семействе»¹. Этой фразой критик косвенно провел параллель между своей семьей и теми романскими героями Ф. М. Достоевского, которые живут рядом, но отдельными, не соприкасающимися друг с другом жизнями, пусть и пребывая в кровном родстве. Однако даже самый поверхностный взгляд на вехи биографии отца литературного критика,

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

¹ Три беседы с критиком Игорем Виноградовым // URL: <https://philologist.livejournal.com/9194248.html> (дата обращения: 24.10.2018).

Ивана Тихоновича Виноградова, обнаружит отнюдь не случайный, а закономерный творческий путь и развитие литературной карьеры сына. И. Т. Виноградов окончил в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена философский факультет и впоследствии стал его деканом. В отличие от сына И. Т. Виноградов на протяжении всей жизни был убежденным коммунистом и видным партийным деятелем, но семейным следует признать изначальный интерес к философской мысли. Зрелый период жизни И. И. Виноградова, казалось бы, не связан с философией напрямую: окончание филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а затем защита кандидатской диссертации на кафедре теории литературы. Дальнейшая работа в институтах Академии наук, публикации в литературно-художественных журналах: «Знамя», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Литературное обозрение» и, наконец, членство в редколлегии, а затем руководство отделами прозы и критики в «Новом мире». Беглое перечисление подсказывает, что философские проблемы не входили в круг непосредственных профессиональных интересов Виноградова.

Но в 1964 г. в раздел литературной критики десятого номера журнала «Новый мир» помещается двадцатидвухстраничная статья Виноградова «Философский роман Лермонтова». В докторской диссертации Н. Биуль-Зедгинидзе, единственном монографическом исследовании, где анализируется литературная критика Виноградова, отмечается рубежный характер даты выхода статьи о романе Лермонтова. Исследовательница выделяет два периода в творчестве Виноградова: первый — «приблизительно до 1964–1965 гг. — отмечен близостью к идеологии революционно-демократического типа (на уровне платформы «социализма с человеческим лицом»), опорой на традиции критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова, а также на марксизм»². Тогда как второй определяется вниманием к «философии “существования”, “эпохе безвременья”, “критическим” общественным ситуациям — и позиции свободной, суверенной личности в экстраординарных условиях. Это... начало философских штудий, поиск ответов, по выражению Виноградова, на “самые проклятые вопросы” современности — вопросы “бытийно-психологического” и “экзистенциально-философского” характера»³. Именно на данном этапе Виноградов обращается к русской литературе золотого века: так будут опубликованы сходные по тематике и подходу статьи и книги: «Завещание Мастера», «“Вопрос жизни” и мытарства “разумной веры” Льва Толстого», «Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика», «Духовные искания русской классики». Но именно работу 1964 г. следует считать поворотной как с точки зрения структурных, так и семантических свойств, как для творческого пути Виноградова, так и для последующего развития литературной критики в целом.

Спустя почти четверть века после первой публикации работа Виноградова о философском романе «без исторических подробностей, но с сохранением духа эпохи»⁴ увидела свет в книге статей 1987 г. В несколько измененном виде третье

² Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М., 1996. С. 159.

³ Там же. С. 205.

⁴ Виноградов И. И. Духовные искания русской классики. М., 1987. С. 12.

издание статьи состоялось в последней книге 2005 г. «Духовные искания русской литературы». Таким образом, работа о «философском романе» «пережила эфемерность журнального существования», по словам Н. В. Гоголя⁵, ибо, не утратив актуальности, имела почти полувековую историю.

Несмотря на внесенные автором «посильные изменения и уточнения, которые больше соответствовали бы ... сегодняшнему взгляду на вещи», помимо структурных особенностей и содержания работы интерес представляет контекст, который сопровождал ее написание. Появление статьи о философском романе в середине 60-х гг. было созвучно духу эпохи. В это время все ярче обнаруживалось сомнение в запретах и предписаниях, налагаемых на литературу и критику партией. Тенденцией стали отказ от нормативного метода и погружение в коренные вопросы жизни. Атмосфера искусственно созданного, насаждаемого сверху «нравственного вакуума», в которой оказался Печорин, утративший веру в возможность социальных перемен, соотносится с «периодом перехода от одного социального тренда к другому»⁶. Автор таким образом тайно демонстрировал современникам, что в «эпохи, подобные николаевской»⁷, «эпохи безвременья»⁸ «само ничтожество занятий становится героичным, являя вызов рабству и подлости». В образе Печорина был показан пример того, к чему приводит сознательный уход от первоначальных ожиданий.

В особом ракурсе предстает затронутая здесь же тема свободы, ибо в марте 1963 г. «лозунги “свобода личности” и “гуманизм”» подверглись критике со стороны властей⁹. «Новому миру» не удалось одержать победу в деле присуждения Ленинской премии А. И. Солженицыну, что стало частным проявлением общей консервативно-реакционной тенденции, завершения «оттепели» и затушевывания «идеи борьбы со сталинизмом»¹⁰. И вот почему лейтмотив прежних критических высказываний Виноградова, «свободный суверенный человек», вследствие переустройства общественно-политической сферы приобрел новое звучание. Отныне названные понятия, а также ранее ценившиеся гуманизм и демократия, рассматриваются критиком в русле «“пограничных ситуаций человеческой жизни”»¹¹.

Виноградов косвенно обнаруживает типологическое сходство исторических ситуаций XIX и XX вв., при которых на смену борьбе за социальное усовершенствование приходит разочарование в возможности каких бы то ни было перемен. Критик проводит параллель между подавленностью и обманутыми ожиданиями русских офицеров 1820-х гг. в результате декабрьского восстания и воцаряющимися в советское время «заморозками», «апатии и покорности»¹². Следует согласиться с В. Н. Сойфером, который утверждает, что данное критическое высказы-

⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 7. С. 451.

⁶ Сойфер В. Н. Жизнь и судьба Игора Виноградова // URL: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (дата обращения: 24.10.2018).

⁷ Виноградов. Указ. соч. С. 8.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. Указ. соч. С. 206.

¹⁰ Сойфер. Указ. соч.

¹¹ Биуль-Зедгинидзе. Указ. соч. С. 206.

¹² Сойфер. Указ. соч.

вание, наравне с публицистическим эссе Солженицына «Жить не по лжи», есть вклад в комплекс идей зарождавшегося диссидентского движения: Виноградов «не писал это прямо, но грамотным читателям становилось ясно, что автор, разбирая общественные ситуации ушедшего века, говорит о сегодняшнем отношении к большевистским лозунгам, осуждает крен к скептицизму как социальную болезнь, ведущую к идеологии будущего брежневского застоя»¹³.

В контексте развития науки о литературе работа также была пионерской, ибо философская составляющая текстов Лермонтова если и рассматривалась исследователями, то лишь на материале поэм или лирических стихотворений¹⁴. Ранее литературоведов прежде всего интересовал тип героя¹⁵ или проблемы реализма в творчестве писателя¹⁶. Вероятно, ракурс, избранный Виноградовым для разговора о романе, в большей степени приближался к подходу критиков Серебряного века¹⁷. Л. В. Богатырева и К. Г. Исупов обращают внимание на то, что «начало философско-филологических штудий трудов и дней Лермонтова положено в трех комплексах исследований: 1) в критических статьях и эссе писателей и мыслителей рубежа XIX–XX вв.; 2) в трудах отечественных лермонтоведов 1910–1950-х гг.; 3) в штудиях наших эмигрантов на Западе и Востоке»¹⁸. Обзор ключевых работ лермонтоведения позволил исследователям сделать вывод о том, что «замечательная статья И. И. Виноградова “Философский роман Лермонтова” стала «новым словом в науке»¹⁹ благодаря содержащемуся в ней анализу метафизики писателя и данной «впервые в условиях советского безголося подлинной герменевтике лермонтовской прозы и в целом — характеристике мировоззренческих концептов писателя»²⁰.

Сам Виноградов видел определенную тенденцию в том, что многие шестидесятники «от гражданского “оттепельного” утопизма перешли к личностно-экзистенциальным принципам жизнеориентирования...»²¹. Эта статья в неяс-

¹³ Сойфер. Указ. соч.

¹⁴ Богомолец В. К. К вопросу о философской проблематике в лирике М. Ю. Лермонтова первой половины 1830-х гг. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. Л., 1958. Т. 168. Ч. 1. С. 91–113; Бродский Н. Л. Философские основы поэзии Лермонтова // Литература в школе. 1941. № 4. С. 23–32; Пульхритудова Е. М. «Демон» как философская поэма // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 76–105.

¹⁵ Маркович В. М. Проблема личности в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. 1963. Вып. 5. С. 63–75; Михайлова Е. Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., 1941. С. 125–162.

¹⁶ Мануйлов В. А. «Герой нашего времени» Лермонтова как реалистический роман // М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 25–35; Эйхенбаум Б. М. Лермонтов как историко-литературная проблема // Атений. Историко-литературный вестник. Кн. 1–2. Л., 1924; Он же. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.

¹⁷ См., напр.: Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1914. С. 158–205.

¹⁸ Богатырева Л. В., Исупов К. Г. Наследие М. Ю. Лермонтова и современное лермонтоведение // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб., 2014. С. 5–17.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 6–7.

²¹ Виноградов. Указ. соч. С. 399.

ном виде отражает стремление погрузиться в личные вопросы. Так, чрезвычайная заинтересованность автора в поднятой проблеме обнаруживается в первую очередь на уровне структуры. Литературный критик примеряет на себя роль писателя. Здесь поэтому можно говорить об эссеизации статьи, о чем свидетельствует в первую очередь ее свободная композиция. В качестве примера может выступить один из многочисленных эпизодов, где автор отталкивается от главного предмета размышления: «Возьмите, к примеру, хотя бы книгу С. Бочарова о “Войне и мире” или книгу Ю. Лотмана о Пушкине, — разве не этим живым, духовно актуальным диалогом их авторов с героями исследований прежде всего и выделяются они на общем фоне нашего ученого литературоведения?»²². Приведенный фрагмент содержит краткое рассуждение о способе разговора о литературе и вместе с тем является защитой собственного метода. Литературность статьи проявляется в нескольких аспектах: форме, способе изложения, вопросно-ответной манере подачи материала. Повышенная художественная выразительность литературно-критического текста формируется благодаря образным выражениям («тайна обаяния», «бесприютный скиталец»), развернутым метафорам («“Фаталист” — это замковый камень, который держит весь свод»), обилию деталей и цитирования романного текста. В некоторых частях анализа пересказ романа фактически заменяется его художественным осмыслением: «Может быть, и он [Печорин] тоже, подобно своему создателю или творцу “Мертвых душ”, незримо вышагнул уже на просторы нынешних улиц и площадей таким же уверенно смотрящим вперед буревестником и оптимистом, оставив свой мрачный первообраз где-нибудь на таких же задворках полузабытого прошлого, как и андреевский Гоголь?..»²³. Можно сказать, что сам критик выступает в качестве соавтора, когда говорит о фрагменте из «Фаталиста» (после встречи Печорина с Вуличем): «Но вот он возвращается теперь домой; сознание, потрясенное иллюзией “доказательства”, постепенно успокаивается, входит в обычную свою “колею”, и от прежнего “верю” не остается и следа»²⁴. Кроме того, художественную в своей основе статью пронизывает система лейтмотивов, среди которых необходимо отметить три: скука, индивидуализм, пустота vs полнота жизни.

Статью отличает предельная личная заинтересованность автора, а потому стремление говорить от первого лица, но такими конструкциями, которые подчеркивают субъективную позицию. Так, по логике общественно-политической ситуации Печорин, говорит Виноградов, должен был вызывать жалость у читателей XX в. из-за своей исторической неприкаянности. Однако личное восприятие диктовало иное отношение к роману. Критик восстает против школьной интерпретации, «проработки» и социологического взгляда на произведение, предлагая взамен собственное восприятие: «Отчетливо помню то странное, беспокойное ощущение, с которым я читал в первый раз “Героя нашего времени”»²⁵. Такой подход к предмету критического суждения позволяет приложить слова К. А. Степаняна о «личностном очерке “Испытание Писаревым”» к этюду о фи-

²² Виноградов. Указ. соч. С. 23.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же. С. 34.

²⁵ Там же. С. 21.

лософском романе: «Трудно отделаться от мысли, что, описывая духовную эволюцию и поиски своих предшественников, Игорь Виноградов подсознательно описывает и свой путь “перерождения убеждений” — путь, который у всех нас, вышедших из советского времени, был сложен и непрямым, полон соблазнов примирения в той или иной степени прежнего с новым»²⁶. Сходных взглядов придерживаются и другие исследователи творчества критика: «Виноградов определяет свою главную задачу в том, чтобы выразить как мировоззренческие искания русской классики, так и духовный опыт своего поколения»²⁷.

Однако статья не исчерпывается литературно-критической, художественной составляющими. И здесь важно то, как сам Виноградов формулирует сверхзадачу своей работы: критику важно обнаружить в романе XIX в. значимый для людей XX в. в духовном отношении опыт, «глубинное духовное содержание»²⁸, так как это «попытка именно литературно-критического и только литературно-критического прочтения романа в его духовной для нас актуальности»²⁹. Позднее автор признается в своем постоянном интересе к «духовным исканиям русских литераторов... прежде всего в их живом, насущном для нас значении»³⁰.

В предисловии к сборнику 1987 г. Виноградов говорит о единой цели статей: «Сугубая актуальность для наших дней той духовной проблематики, что была рождена ситуацией религиозного кризиса, тоже не нуждается, очевидно, в доказательствах, и вот почему логика духовных исканий русских писателей от М. Лермонтова до М. Булгакова и раскрывает перед нами свое живое содержание с наибольшей полнотой именно тогда, когда именно так, в его живой к нам обращенности, мы их творчество и берем — когда мы, по выражению Бориса Пастернака, идем, за пядью пядь, по живому следу их мысли и духа»³¹.

Основываясь на приведенных суждениях, а также имея в виду задачу статьи в целом, можно говорить о том, что в данном случае литературный в своей основе текст смыкается с философским. И поэтому нельзя согласиться с исследователями литературной критики советского времени, которые не выделяют философское направление как самостоятельное явление или отрицают его существование вовсе. Так, в «Истории русской литературной критики: советской и постсоветской эпохи» обозначенное направление среди «либерального», «ортодоксального», «патриотического» не выделяется в качестве отдельного течения³². Среди исследователей аксиоматичным стало утверждение о преимущественном и безраздельном положении марксистско-ленинской литературной критики в

²⁶ Степанян К. А. Игорь Виноградов. Духовные искания русской литературы [Электронный ресурс] // URL: <http://znanlit.ru/publication.php?id=2998> (дата обращения: 24.10.2018).

²⁷ Владимирский А. Путь русской литературы [Электронный ресурс] // URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200508630> (дата обращения: 24.10.2018).

²⁸ Виноградов. Указ. соч. С. 33.

²⁹ Там же. С. 25.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 5.

³² Добренко Е., Калинин И. Литературная критика и идеологическое размежевание эпохи оттепели: 1953–1970 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха. М., 2011. С. 417–476.

годы советской власти вплоть до периода перестройки³³. Однако благодаря работам в том числе Виноградова (и его методологии) с этим утверждением нельзя согласиться. Совокупность написанного им после 1964 г. свидетельствует о возрождении философского или, говоря точнее, религиозно-философского направления в литературной критике.

На уровне языка философское звучание проявляется прежде всего в обилии афоризмов и лаконичных сентенций («...мир должен пройти через этот этап, пройти эту школу сомнения и отрицания, расстаться с романтическими иллюзиями прошлого, прежде чем выйти к рубежам действительно зрелых, реальных идеалов»³⁴; «Лишь осознав себя суверенным существом, человек действительно способен утвердить и реализовать себя как человека»³⁵). Важно, что новые структурные свойства диктуют построение иного образа автора: критик сам становится на место учителя, предлагая читателям замедлить чтение романа с дидактической целью: «Что во всем этом поучительного, какое тут содержание?»³⁶.

«Герой нашего времени» прочитывается не только с точки зрения его художественных свойств. Критика интересуется «“интрига” развертывания печоринского сознания»³⁷. И во главу угла поставлена не литературно-критическая оценка, а интерпретация с точки зрения заложенных экзистенциальных идей. Роман становится значим в качестве духовного завещания писателя: «Мы видим, что перед нами — принципиальная программа жизненного поведения»³⁸. Таким образом, помимо литературно-критического, художественного, философского звеньев в статью проникает и публицистическое звучание, стремление воздействовать на читателей. Литература смыкается с философией, за которой, в свою очередь, следует публицистический аспект.

Центральный вопрос статьи связан с «труднейшей проблемой свободного сознания»³⁹. Это, по словам Виноградова, ситуация сознания, «покинувшего традиционные религиозные способы духовной ориентации в окружающем мире и оказавшегося поэтому перед необходимостью заново и самостоятельно, на путях “чистого разума” ответить на самые первые, самые “проклятые” нравственно-философские вопросы человеческого бытия, ранее “закрытые” истинами Откровения»⁴⁰. Иначе говоря, размышления Виноградова посвящены вопросам о сущности добра и его необходимости в жизни суверенной личности⁴¹. Цель критика — разобраться, в какой мере «Герой нашего времени» «живет сегодня, участвует в сегодняшних наших спорах и поисках», живет «в нашей сегодняшней культуре», ибо в романе Лермонтова запечатлен «момент развития человеческого духа».

³³ Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006.

³⁴ Виноградов. Указ. соч. С. 43.

³⁵ Там же. С. 41.

³⁶ Там же. С. 33.

³⁷ Там же. С. 25.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 30.

⁴⁰ Биуль-Зедгинидзе. Указ. соч. С. 209.

⁴¹ Виноградов. Указ. соч. С. 52.

Вместо индивидуалистического мировоззренческого выбора Печорина критик предлагает: «научиться той безбоязненной и бескомпромиссной трезвости взгляда, которая одна может дать нам действительное знание человеческого сердца и которая и отличает знаменитый лермонтовский роман и его героя»⁴². Совмещение человеческой природы с индивидуалистической позицией невозможно, ибо полнота жизни, резюмирует критик, возникает лишь там, где «связь между людьми строится по законам любви, добра, благородства, справедливости»⁴³. Итак, перед нами нечто большее, чем литературная критика, а именно соединение публицистики, литературы и философии.

Представляется важным, что о Печорине говорится только как о реально существовавшем человеке. Отсюда закономерны параллели не только с героическими характерами Гегеля, персонажами: Базаровым, Гамлетом, героями Достоевского. В разговоре о Печорине также упоминаются реальные исторические деятели: Герцен, Чаадаев, Станкевич, Белинский, Огарев. Печорин — это герой, духовное состояние которого созвучно современникам, неоднократно подчеркивается в статье. Герой Лермонтова, подводит итог Виноградов, не просто отдельный индивидуум со своим характером, а «господствующий тип человеческой личности» эпохи 30-х гг. XIX в. и сходных с ней эпох безвременья, — человек, типичный для «умственно развитой, мыслящей части» общества и оказавшийся «лишним» в силу внешних обстоятельств.

Литературного критика, однако, интересует не сам по себе историко-социологический аспект изучения образа, а объективное исследование духовно-психологических истоков индивидуализма Печорина. Ведь поступки Печорина обусловлены совершенно определенной «внутренней программой» поведения, и именно эта «внутренняя программа» прежде всего и заслуживает, с точки зрения критика, пристального рассмотрения⁴⁴.

Н. Биуль-Зедгинидзе указывает на сильную публицистическую заостренность ранних статей Виноградова: «отсюда же — и полемическая заостренность, очевидная перенасыщенность критических статей этого периода дидактикой, склонность измерять и оценивать различные явления при помощи безапелляционных категорий (“правильный”, “подлинный” и “ошибочный”) — то, с чем мы встречаемся в работах Виноградова раннего периода и что на первый взгляд может показаться инерцией марксистского стиля, а на самом деле восходит именно к “сознательной тенденциозности” Добролюбова, Щедрина и других критиков-публицистов революционно-демократического крыла прошлого столетия»⁴⁵. О переходе же к философскому контексту и художественно-эссеистическому способу изложения свидетельствует стремление солидаризироваться с читателями посредством местоимений («мы», «нас»), прямых обращений («всмотримся», «вдумаемся», «последуем»). Выход к другому содержательному уровню текстов отражает, кроме того, не только риторическая организация (повторы, воскли-

⁴² Виноградов. Указ. соч. С. 35.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Биуль-Зедгинидзе. Указ. соч. С. 207.

⁴⁵ Там же. С. 204.

цания, диалогизм), но и графико-смысловое оформление («в индивидуальной свободе Печорина есть зерно действительной Истины»).

Утверждая мысль о том, что лермонтовский роман есть философский по преимуществу («первый философский роман в истории русской литературы», «родоначальник той великой традиции напряженнейшего интереса к коренным вопросам человеческого существования», «которая достигла своей вершины в романах Толстого и Достоевского»), Виноградов своим текстом декларировал рождение, а точнее возрождение на русской почве философского метода в литературной критике.

Статью Виноградова следует считать рубежной одновременно с нескольких точек зрения. Текст стал знаковым не только в формировании творческого метода критика, но и в процессе трансформации системы взглядов и убеждений, которая «на пути поиска истины прошла через постепенный отход от марксистской эстетики и абстрактного, неприменимого в реальной жизни, идеального морально-нравственного кодекса “гуманистического” социализма и коммунизма, через кризис сознания, переосмысление идейно-мировоззренческой системы материалистического восприятия мира, через ситуацию “открытого сознания” и философию экзистенциализма, через мытарства безрелигиозного разума, чтобы обратиться, в конце концов, к той вере, к той философии жизни и к той вытекающей из этой философии общественной активности, которые были истиной и жизненной судьбой русских религиозных философов конца прошлого — начала нынешнего века — Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.»⁴⁶. В 1992 г. В. Максимов передал Виноградову руководство журналом «Континент». Эта биографическая веха стала закономерным продолжением эволюции мировоззрения критика в сторону религиозно-духовной направленности, о чем свидетельствуют слова из интервью 2008 г.: «Сегодня “Континент” — это журнал, который не случайно позиционирует себя не только как литературный или политический, но и как религиозный. Религиозная проблематика представлена в нем, я считаю, очень основательно. По сути, мы — единственный журнал, который отстаивает позиции, идеологию и программу христианской демократии»⁴⁷. Кроме того, статья о романе Лермонтова стала переломной в отношении разговора критика о литературе, так как свидетельствует об изменении «реального» метода к «художественно-эссеистскому, философскому»⁴⁸.

Работа Виноградова не могла не повлиять на дальнейший ход событий в лермонтоведении. Так, появляются работы, в которых развиваются идеи и проблемы, высказанные в статье 1964 г.⁴⁹ В качестве примера созвучности подхода может выступить монография Н. Я. Берковского «О мировом значении русской

⁴⁶ Биуль-Зедгинидзе. Указ. соч. С. 223.

⁴⁷ Беликов Ю. Беседа с главным редактором журнала «Континент» Игорем Виноградовым // URL: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=473> (дата обращения: 24.10.2018).

⁴⁸ Биуль-Зедгинидзе. Указ. соч. С. 226.

⁴⁹ Богатырева Л. В., Исупов К. Г. Наследие М. Ю. Лермонтова и современное лермонтоведение // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб., 2014. С. 6; Исупов К. Г. Метафизика Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. К. Г. Исупова. СПб., 2014. С. 53–73.

литературы». В рассуждениях о произведениях отечественной и зарубежной классики исследователь открывает философские и социально-исторические идеи⁵⁰. О «“жизнетворческой” целенаправленности русской классики»⁵¹ целом и «метафизических обортонах», а также «универсально-философском смысле»⁵² романа «Герой нашего времени» рассуждал и В. М. Маркович в статье «О лирико-символическом начале в романе Лермонтова “Герой нашего времени”».

Итак, в качестве заключения темы о контекстуальном окружении статьи «Философский роман Лермонтова» и ее последующем влиянии на исследователь следует сказать о том, что ее публикация не могла не отразиться и на литературной критике. Виноградов был пионером, зачинателем философского ракурса в разговоре о литературе. И это нашло отражение в целом ряде литературно-критических работ. В эпоху «оттепели» постепенно закрепляется философский метод в литературной критике. Все более отчетливо раздаются голоса его приверженцев. Столь пристальное внимание к философской критике одного из шестидесятников⁵³ наталкивает на вывод о возрождении философского направления литературной критики в период 1960–1980-х гг. К таким размышлениям побуждают следующие обстоятельства: философская критика начинает свое становление в первой трети XIX в., она подходила к литературному произведению как к особому виду философской мысли (т. е. как к выражению того или иного мировоззрения), решающему основные вопросы бытия, а не только частные социальные или культурные вопросы своего времени. Данный подход отличают преобладание этики над эстетикой, вера в высокий социальный статус литературы, миссионерство, ярко выраженная нравственная позиция критика, опора на философские и религиозно-философские труды. В этом отношении критический метод Виноградова более всего приближается к философскому или нормативному принципу, сущность которого заключается в выходе за пределы рассматриваемого произведения⁵⁴.

Ключевые слова: И. И. Виноградов, М. Ю. Лермонтов, литературная критика, философское направление.

⁵⁰ Ср.: «Наши писатели посылали жизнь в будущее... создавали чувство одолимости любых препятствий для этой живой жизни» (Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 150).

⁵¹ Маркович В. М. Избранные работы / БАН. СПб., 2008. С. 3.

⁵² Там же. С. 222.

⁵³ Ср. высказывание Н. Б. Иванова: «Виноградов, конечно, имел в виду и свое поколение. Он сам находился и внутри “мейнстрима”, главного течения мысли в этом поколении, поколения шестидесятников, — и преодолел его гравитацию» // Преодоление гравитации // URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2016/8/preodolenie-gravitacii.html> (дата обращения: 24.10.2018).

⁵⁴ По словам В. В. Тихомирова, такая критика имеет «в виду возможность воздействия на социум и на духовный мир реципиента, на его мировоззрение. Это критика социальная, историческая, дидактическая, психологическая, наконец, публицистическая» (Тихомиров В. В. Научные основы учебного курса «Теория и история русской литературной критики» в классическом университете // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики (к юбилею В. В. Тихомирова). Кострома, 2011. С. 9).

Список литературы

- Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958–1970-е гг.). М., 1996.
- Богатырева Л. В., Исупов К. Г. Наследие М. Ю. Лермонтова и современное лермонтоведение // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб., 2014. С. 5–17.
- Богомолец В. К. К вопросу о философской проблематики в лирике М. Ю. Лермонтова первой половины 1830-х гг. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. Л., 1958. Т. 168. Ч. 1. С. 91–113.
- Бродский Н. Л. Философские основы поэзии Лермонтова // Литература в школе. 1941. № 4. С. 23–32.
- Виноградов И. И. Духовные искания русской классики. М., 1987.
- Владимирский А. Путь русской литературы // URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200508630> (дата обращения: 24.10.2018).
- Добренко Е., Калинин И. Литературная критика и идеологическое размежевание эпохи оттепели: 1953–1970 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха. М., 2011. С. 417–476.
- Исупов К. Г. Метафизика Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. К. Г. Исупова. СПб., 2014. С. 53–73.
- Мануйлов В. А. «Герой нашего времени» Лермонтова как реалистический роман // М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 25–35.
- Маркович В. М. Проблема личности в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. 1963. Вып. 5. С. 63–75.
- Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006.
- Михайлова Е. Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., 1941. С. 125–162.
- Пульхритудова Е. М. «Демон» как философская поэма // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 76–105.
- Сойфер В. Н. Жизнь и судьба Игоря Виноградова // URL: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (дата обращения: 24.10.2018).
- Степанян К. А. Игорь Виноградов. Духовные искания русской литературы // URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2998> (дата обращения: 24.10.2018).

“LERMONTOV’S PHILOSOPHICAL NOVEL”:
I. I. VINOGRADOV’S ARTICLE IN CONTEXT
OF LITERATURE STUDIES AND LITERARY CRITICISM
OF THE 1960s — 1980s*

E. ZENOVA

Abstract: This article deals with the paper *Lermontov’s Philosophical Novel* by I. I. Vinogradov (1930–2015). This paper, which has a history longer than half a century — due to three reissues (1964, 1987, 2005), — came to be innovative both in the study of Lermontov, and in literary criticism. In the context of development of literature studies, this work was pioneering, because the philosophical element in Lermontov’s texts was discussed by scholars solely on the material of longer poems or lyrical poems, if at all. It is established that the influence of Vinogradov’s paper is divided into the three directions, i.e. the impact on the activity and world outlook of the critic himself, emergence of a whole range of studies analysing Lermontov’s metaphysics, revival on the Russian soil of the philosophical method in literary criticism. Publication of the article on the philosophical novel in the mid-1960s was in accordance with the zeitgeist, which is particularly evidenced by the use of the Aesopian language. Having defined the genre of the novel *A Hero of Our Time* as philosophical, Vinogradov hinted that collisions of the previous century well relate to the current time. The underlying objective of the critic was to identify in the novel of the 19th century such experience that would be spiritually significant for people of the 20th century. My study draws the conclusion that the paper in question is not limited to the scientific, critical and literary components, because the text, literary in its essence, is adjacent to philosophical. The article of 1964 demonstrates revitalising of the philosophical or, speaking more strictly, of the religious-philosophical direction in literary criticism.

Keywords: I. I. Vinogradov, Lermontov, literary criticism, philosophical direction.

*This study was carried out at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project № 17-18-01432).

References

- Biul'-Zedginidze N. (1996) *Literaturnaia kritika zhurnala «Novyi mir» A. T. Tvardovskogo (1958–1970 gg.)* [Literary Criticism of the Journal *Novyi Mir* of A. T. Tvardovsky (1958–1970)]. Moscow (in Russian).
- Bogatyreva L., Isupov K. (2014) “Nasledie M. Iu. Lermontova i sovremennoe lermontovedenie” [Lermontov’s Legacy and Present-Day Studies of Lermontov], in *Tvorchestvo M. Iu. Lermontova v kontekste sovremennoi kul'tury* [Lermontov’s Literary Works in the Context of Present-Day Culture]. St Petersburg, pp. 5–17.
- Bogomolets V. (1958) “K voprosu o filosofskoi problematiku v lirike M. Iu. Lermontova pervoi poloviny 1830 gg.” [On Philosophical Issues in Lermontov’s Lyrics of the Former Half of the 1830s]. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena*, vol. 168/1, pp. 91–113 (in Russian).
- Brodskii N. (1941) “Filosofskie osnovy poezii Lermontova” [Philosophical Foundation of Lermontov’s Poetry]. *Literatura v shkole*, № 4, pp. 23–32.
- Dobrenko E., Kalinin I. (2011) “Literaturnaia kritika i ideologicheskoe razmezhevanie epokhi ottepeli: 1953–1970” [Literary Criticism and Ideological Faction of the Period of the Thaw: 1953–1970], in *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epokha* [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Period]. Moscow, pp. 417–476 (in Russian).
- Isupov K. (2014) “Metafizika Lermontova” [Lermontov’s Metaphysics], in K. Isupov (ed.) *M. Iu. Lermontov: pro et contra. Antologiya* [M. Lermontov: Pro and Contra. Anthology], vol. 2. St Petersburg, pp. 53–73 (in Russian).
- Manuilov V. (1963). “*Geroi nashego vremeni* Lermontova kak realisticheskii roman” [A *Hero of Our Time* by Lermontov as a Realistic Novel], in *M. Iu. Lermontov. Voprosy zhizni i tvorchestva* [Lermontov. Issues in the Study of Life and Literary Work]. Ordzhonikidze. pp. 25–35 (in Russian).
- Markovich V. (1963). “Problema lichnosti v romane Lermontova «Geroi nashego vremeni»” [Problem of Personality in Lermontov’s Novel *A Hero of Our Time*]. *Izvestiia AN Kaz. SSR. Seriya obshchestvennykh nauk*, vol. 5, pp. 63–75 (in Russian).
- Mentsel’ B. (2006) “Grazhdanskaia voina slov. Rossiiskaia literaturnaia kritika perioda perestroiki” [Civil War of Words. Russia’s Literary Criticism of Perestroika Period]. St. Petersburg (in Russian).
- Mikhailova E. (1941) “Ideia lichnosti u Lermontova i osobennosti ee khudozhestvennogo voploshcheniia” [Lermontov’s Idea of Personality and Special Features of its Literary Expression]. *Zhizn' i tvorchestvo M. Iu. Lermontova*, vol. 1, Moscow, pp. 125–162 (in Russian).
- Pul'khritudova E. (1964) “«Demon» kak filosofskaia poema” [*Demon* as a Philosophical Poem], in *Tvorchestvo M. Iu. Lermontova* [Lermontov’s Literary Work], Moscow, pp. 76–105 (in Russian).
- Soifer V. *Zhizn' i sud'ba Igoria Vinogradova* [Life and Fate of Igor’ Vinogradov], available at <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (27.01.2019) (in Russian).
- Stepanian K. *Igor' Vinogradov. Dukhovnye iskaniiia russkoi literatury* [Igor’ Vinogradov. Spiritual Quest of Russian Literature], available at <http://znamlit.ru/publication.php?id=2998> (27.01.2019) (in Russian).
- Vinogradov I. (1987) *Dukhovnye iskaniiia russkoi klassiki* [Spiritual Quests of Russian Classics]. Moscow (in Russian).
- Vladimirkii A. *Put' russkoi literatury* [Path of Russian Literature], available at <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200508630> (27.01.2019) (in Russian).